

ГЛАВА III КАТЕГОРИЯ "МЕРТВОЙ ДУШИ" И УЧИТЕЛЬНАЯ РИТОРИКА

Все вышесказанное позволило почувствовать фундаментальность и одновременно специфику категории 'души' в творческом сознании Гоголя. В поэме она становится центральной и выносится в заглавие, концептуально означающее идеологическую структуру повествования и указывающее на дискурсивные инстанции, ее порождающие. Это важно учитывать, так как характер такого означения до сих пор остается проблематичным, каким он был и для современников писателя. Очевидно, что это связано не только со сложностью восприятия и толкования смысла поэмы, который инверсно мог бы пояснить и смысл заглавия, но с особыми принципами символико-аллегорического означивания (или даже индексации) в произведениях Гоголя, и прежде всего с особенностями тех категориальных отношений, которые и образуют семантику гоголевской парадигмы "души". Поэтому логично обратиться к ее рассмотрению, учитывая, что заглавие литературного произведения "входит в художественную структуру"¹, являясь ее особым элементом, "выдвинутым", совмещающим несколько функций². В данном случае заглавие - это "ключ", который регулирует наше восприятие текста и его ассоциативных контекстов - жанровых, культурно-типологических и т.д., поскольку речь идет не просто о семантике этого выражения, а о его дискурсивных

возможностях управлять нарративными стратегиями и в конечном счете - разворачиваться в текст.

Предварим рассмотрение таким образом понимаемого заглавия кратким очерком его интерпретации. Изначально с ним была связана одна из многочисленных загадок поэмы. Как отмечает Е.Смирнова-Чикина, "внимание читателя поражало прежде всего само название - "Мертвые души"³. Такое восприятие вызвано, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, необычностью словосочетания: "Мертвых душ" в русском языке нет. Есть души ревизские, приписные, убыльные, прибыльные", - писал один из знатоков русского языка М.Погодин⁴. И он отчасти был прав, соотнося заглавие поэмы с прямым предметом покупки - ревизскими душами. Во-вторых, если подразумевается человеческая душа вообще, это еще более странно - ибо душа, по христианским представлениям, бессмертна. Так, например, утверждал один из раннехристианских богословов Тертуллиан (II-III век) в своем известном трактате "О душе", так гласили многочисленные сочинения XVII - начала XIX века, озаглавленные "О бессмертии души" и т.п., так, как известно, среагировала и цензура, обвинив автора в том, что он "вооружается против бессмертья". На "кощунственность" словосочетания "с точки зрения христианского вероучения" обратил внимание и современный исследователь⁵. Таким образом, в контексте культуры, утверждающей бессмертие души, гоголевское заглавие, если доверять отмеченным реакциям, звучало если не полемично-вызывающе, то особо маркированно в любом случае. Действительно, возникает вопрос: мог ли Гоголь отрицать христианский догмат о бессмертии души, даже имея в виду души помещиков? Атеистом он не был.

Так обозначились два направления истолкования, основанные на прямом понимании необычного словосочетания, соотнося его с затекстовой реальностью. Обозна-

чился еще один путь, отвлекающий как от языковой необычности, так и от христианских представлений, а потому и не разрешающий отмеченных выше вопросов. Это - трактовка заглавия как условно-поэтического или иначе - как метафорического определения персонажей поэмы. Об этом писал в 1842 г. А.Герцен: "Мертвые души... все эти Ноздревы, Манилов и *tutti quanti* (все прочие)"⁶.

С тех далеких пор "социальная" символика словосочетания описана литературоведами в определенном смысле убедительно, но все-таки однозначно. Типичное понимание заглавия и, соответственно, основного смысла поэмы заключается в следующем: "мертвые души" - "название умерших крепостных крестьян, еще продолжавших значиться в "ревизских сказках" как живые" - так, с одной стороны; с другой - "Гоголь подразумевал под "мертвыми душами" помещиков-крепостников, задерживающих развитие страны"⁷. Такая референтная связь заглавия отчасти оправдана, но она может рассматриваться лишь сквозь призму поэтического мира. Поэтому очевидно, что даже развернутый анализ заглавия в этом направлении вряд ли сможет объяснить недоумения современников, а тем более его символические "горизонты" и функцию.

Самый способ изображения персонажей в поэме таков, что затрудняет трактовку ее сатирического пафоса и в отдельных случаях проблематизирует "суд" над персонажами. Критерии авторской оценки, определяющие нравственный мир поэмы, обозначаются лишь отдельными "всплесками", свое полное воплощение они получают только в символическом подтексте, основой которого выступает контекст. Без его учета любая интерпретация заглавия будет недостаточной, и наоборот - без понимания заглавия многое в подтексте будет проходить мимо нашего внимания.

По-прежнему нуждается в дальнейшем разъяснении такой, казалось бы, простой вопрос: почему все-таки пер-

сонажи поэмы могут быть названы "мертвыми душами" и в чем видится Гоголю причина их омертвления? Ответ на самом деле далеко не очевидный. Здесь "работают" сразу несколько уровней объяснения и на каждом действует свой ряд мотивировок. Каждый из персонажей предстает средоточием всех уровней художественного обобщения - от конкретно-социального до метафизического ("есть страсти, которых избранье не от человека" и т.д.). Их необычное соотношение привносит в изображение человека и мира элемент загадочности и тайны. Анализ заглавия помогает нам приблизиться к пониманию поэтики поэмы и увидеть в ней специфически гоголевскую концепцию, ибо имеющиеся объяснения заглавия легко можно отнести ко многим произведениям нравственно-сатирической литературы и недоумевать - почему они не названы "Мертвыми душами"?

Начнем анализ с лингвистического уровня. "Мертвые души" - словосочетание оксюморонного типа. Каждый его элемент содержит абстрактное значение, связанное с обозначением полярных сфер - "смерти" и "жизни". На сверхлингвистическом уровне это гротесковый заголовок, в котором противоположности сходятся воедино, демонстрируя тем самым уничтожение границы между "мертвым" и "живым", с одной стороны, а с другой - такое необычное сочетание как раз и заставляет читателя эту границу почувствовать. Эта особенность заглавия отражена в законах поэтического мира, для которого категория границы не существует⁸. Граница снята не только между "живыми" и "мертвыми", но и между национальным и чужеземным, одушевленным и неодушевленным, человеческим и животным. Поэтому важнейшей чертой мира поэмы является всеобщее взаимоотражение, стихия подобия и замещения (с этой особенностью связан мотив "зеркала" и цифровой мотив "двойки"), превращающая социофизическую реальность в особый организм, единый гротескно-метони-

мический образ "телесной" души России. В этом аспекте структура заглавия обнажает ведущий конструктивный прием Гоголя - оксюморон, который описал в свое время Дмитрий Чижевский⁹.

На другом уровне восприятия гротеск снимается, словосочетания оксюморонного типа - потенциально метафорические. В таком случае важно определить смысловой объем метафоры и то, что в ней актуализируется текстом. В метафорическом понимании заглавие "Мертвые души" может обозначать широкий и размытый спектр понятия бездуховности. И здесь-то необходима по возможности конкретизация контекста, поиск возможных источников такого словосочетания. Так, Е.Смирнова-Чикина, посвятившая специальную работу поискам источников, вынуждена была оставить за Гоголем приоритет в изобретении нового выражения. Однако примеры употребления гоголевского словосочетания и определений, с ним связанных, можно обнаружить и в ближайшем контексте, и в контексте, более отдаленном во времени, - в религиозно-учительной культуре и ее традициях.

ФОРМУЛА "МЕРТВАЯ ДУША" И ЕЕ КОНТЕКСТЫ

Обратимся к ближайшему контексту. На употребление подобного словосочетания в VII главе "Евгения Онегина" указал В.Прозоров¹⁰. Мотив "мертвой души" с разными оттенками смысла встречается и в поэзии 20-х гг. XIX века. Например, у Е.Баратынского в "Элегии" (1821): "Нет, не бывать тому, что было прежде! Что в счастье мне? Мертва душа моя". "Мертвенность" души предстает как ее опустошенность, неспособность к переживаниям счастья, веры, надежды и т.д. Она предстает как результат действия необратимых закономерностей бытия. Отголоски этого высокого элегического мотива (и не только этого) ощутимо проявлены в начале VI главы в лирических пас-